

Борис ГОНЧАРОВ

Рассуждизмы и пароксизмы

Книга 3

18+

Борис Гончаров

**Рассуждизмы и
пароксизмы. Книга 3**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Гончаров Б.

Рассуждизмы и пароксизмы. Книга 3 / Б. Гончаров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Рассматривая мозаику и эклектику текста этой книжки (как предыдущих и последующих – если они будут), следует соответственно воспринимать сказанное: об образах, как проекции на подсознание, о гештальте, о гносеологии «любви», о женском и мужском, как образе двух параллельных пересекающихся линий, письма 8 Марта, о «мушкетёрах», футболисте и ощущениях осязания, о мистической случайности, вольную компиляцию Комдива о женских запахах и «сермяжную правду» о «запахах» женского, Куприна и «Суламифь», Соломона и «Песнь Песней», писателей – не сумасшедших и несчастных, жизнь Земли и смерть человека, счастье и судьбу, мнения дилетанта и т.д. Вторая редакция. Иллюстрации автора, фон обложки – Canva (лицензия CC0).

Содержание

МНЕНИЕ ДИЛЕТАНТА	8
1 апреля	8
Что читать...	9
«Ничто не проходит» или «Суламифь» Куприна и «Песнь песней» Соломона	10
НОВЕЛЛЫ	16
Мистика случайностей жизни и интернета	17
Атос, Арамис, Д,Артаньян и примкнувший к ним футболист	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борис Гончаров

Рассуждизмы и пароксизмы. Книга 3

Вместо предисловия

Нам не дано предугадать,

Судьбы крутые повороты

Нам не дано себя понять,

Какими будем через годы,

Как не познать каприз природы...

Нам не дано, увы, узнать,

Чем наше слово обернётся,

Когда последний день прервётся...

Нам не дано вернуть назад

Весны прелестное дыханье

И детских лет воспоминанье

Нам не дано вернуть назад.

([Мартемьянов](#))

Нет последовательности в эклектике и мозаике текста (и в предисловии). Но создаются же мозаичные картины (не только художественные), а из эклектики рождаются правила (не только грамматики).

Преодолев «акварельный возраст», «глубокую юность» и став «взрослым» (видимо, такое иногда случается – раньше или позже), не претендуя на всеохватность и правду, образно и субъективно рассуждая, повествует автор с несерьёзным выражением лица, но и с грустью, вследствие сказанного:

«И положи тму закрѡв Свой, ѡкрест Егѡ селѣние Егѡ, темна вода во ѡблацех воздушных» = темна вода во облацех = «Непостижимо для ума на свете многое весьма» = «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». И «злой шутник, озорник Купидон» не хохочет и совсем не смеётся, а грустно-удивлённо смотрит на эти рассуждизмы и пароксизмы ...

МНЕНИЕ ДИЛЕТАНТА

1 апреля

Образы: любви, бога, книги, картины, музыка и т. д. – это проекция (отражение) понятия (сущности, вещи) на мозг (сознание), сублимация.

«Образ любви» – это случайность пересечения параллельных линий женского и мужского.

«Образ бога» – это также не собственно вещь (сущность, истина), но представление её сознанием.

«Образов» столько, сколько людей на Земле и они индивидуальны.

«Образы» – это случайность и следствие, но не причина (источник).

Что читать...

В своей книге «Моя жизнь» Амундсен указывает, что фирма «Юнкерс» продавала ему аэропланы, дирижабль он купил (впоследствии названный «Норвегия») у правительства Италии, возглавляемого Муссолини.

Таким образом, очевидно, что для капитала и политика не имеет значения, с кем сотрудничать, кому что продавать: Амундсену или Гитлеру – главное прибыль. Поэтому и фирмы США сотрудничали с Германией Гитлера (не смотря на противостояние в Первой мировой войне).

Амундсен отзывается о Нобиле (тогда – полковнике, в дальнейшем – генерале и руководителе полёта на Северный полюс, что красочно и неоднозначно показано в фильме «Красная палатка»), как о тщеславном, честолюбивом эгоисте.

При этом следует подчеркнуть и меркантильный интерес самого Амундсена в конфликте с Нобиле в связи с приоритетом в руководстве экспедицией, изданием книг, лекциями и т. п.

Деньги – ключ к любой загадке, как отметил Бальзак в «Человеческой комедии».

Из указанного следует, что читать следует первоисточники и мемуары – они более показательны правдой (хотя подчас и несколько субъективной).

Как заметил Рахметов – «Что делать?» (в 22 года он был уже вполне сформировавшейся личностью, как и Саша Сторов – «Эпизоды на фоне СССР 1936-58 гг» – с той разницей, что не пил вина и пренебрегал женским персоналом, но курил сигары, которые, по его мнению, стимулируют его мыслительную деятельность, как Россини – горизонтальное положение вниз головой, Высоцкого – белая стена перед глазами, Флобера – запах прелых яблок):

«По каждому предмету капитальных сочинений очень немного; во всех остальных только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнее и яснее заключено в этих немногих сочинениях. Надобно читать только их; всякое другое чтение – только напрасная трата времени. Берём русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. В тысячах других повестей я уже вижу по пяти строкам с пяти разных страниц, что не найду ничего, кроме испорченного Гоголя, – зачем я стану их читать?

Так и в науках, – в науках даже ещё резче эта граница. Если я прочел Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направления и мне не нужно читать ни одного из сотен политико-экономов, как бы ни были они знамениты; я по пяти строкам с пяти страниц вижу, что не найду у них ни одной свежей мысли, им принадлежащей, все заимствования и искажения. Я читаю только самобытное и лишь настолько, чтобы знать эту самобытность.

Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляет меня от надобности читать сотни книг».

«Ничто не проходит» или «Суламифь» Куприна и «Песнь песней» Соломона

Куприн был, есть и будет уже только потому, что написал «Суламифь» и «Гранатовый браслет». Это мнение – против неприятия его некоторыми непонимающими природной русской одарённости, лошадиной трудоспособности и неистребимого любопытства и желания испытать всё на себе, может оттого, что и в дилетанте просыпается иногда желание почувствовать, как того хотел часто пьющий Куприн («Если истина в вине, // Сколько истин в Куприне?»). Вот что писал Куприн о своих желаниях: «Я бы хотел на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой, или побыть женщиной и испытать роды...» и ещё: «Господи, почему и мне не побыть ямщиком. Ну хоть не на всю жизнь, а так, года на два, на три. Изумительная жизнь!».

«Образ любви» – царский, ветхозаветный, а возможно, собственно любовь – недостижимая и непостижимая, несвойственная политикам, как и ханжам и лицемерам.

«Суламифь». Мелодрама, но, как и «Песнь песней» Соломона – исключительность.

Замечательный русский писатель Александр Иванович Куприн – это в беллетристике и внешне – Иван Поддубный, Иван Заикин, Владимир Гиляровский, французы: Бальзак и Дюма...

Ветхий Завет: «Песнь Песней».

Александр Куприн: «Суламифь».

Положи мя яко печать на сердце твоём,

яко печать на мышцы твоей:

зане крепка яко смерть любовь,

жестока яко смерть ревность:

стрелы её – стрелы огненные.

В 1909 году Академия Наук присудила Куприну – вместе с И.А.Буниным – Пушкинскую премию.

(Такова тогда была Академия – Академия Менделеева, Мечникова, К.Р., Л.Н.Толстого, В.Г.Короленко, В.В.Стасова, М.Горького – правда, его членство было отменено царём Николаем Вторым, А.П.Чехова... Не в пример ей – нынешняя).

Но что такое Бунин по сравнению с Куприным – эстетствующий барин, бывший сотрудник «Орловского вестника» и лауреат Нобелевской премии по литературе (вместо Куприна)?.. Назначенный на Нобелевскую по политическому соображению – так же, как Пастернак (но отказавшийся от получения), Солженицын, Бродский.

Что написал так и не окончивший гимназию Бунин: незаконченный автобиографический роман «Жизнь Арсеньева» (в котором автор с симпатией и грустью сочувственно пишет о поколении помещиков из культурного дворянства, о старых господах), рассказы о несчастной и трагической любви: «Митина любовь», «Тёмные аллеи», преувеличенный «Солнечный удар» (по которому снят надуманный фильм), злопыхательские, «закусившего удила филистера», «Окаянные дни», перевод двадцати двух глав, со вступлением и эпилогом «Песни о Гайавате» Г.В.Лонгфелло, ностальгические «Антоновские яблоки»...

Горький так отзывался о творчестве периода рассказов Бунина (до революции 1905 г.): «Не понимаю, как талант свой красивый, – как матовое серебро, он не отточит в нож и не воткнёт им куда надо».

Лев Толстой пишет о Куприне: «Я самым талантливым из нынешних писателей считаю Куприна. Куприн – настоящий художник, громадный талант. Поднимает вопросы жизни более глубокие, чем у его собратьев».

Бунин умер в Париже 8 ноября 1953 г. (на следующий день годовщины революции, не принятой им).

Но справедливости ради надо отметить один абзац в «Жизни Арсеньева», который может отчасти показать Бунина, как писателя, глубиной и сакраментальностью мысли: «У нас нет чувства своего начала и конца. И очень жаль, что мне сказали, когда именно я родился. Если бы не сказали, я бы теперь и понятия не имел о своём возрасте, – тем более, что я ещё совсем не ощущаю его бремени, – и, значит, был бы избавлен от мысли, что мне будто бы полагается лет через десять или двадцать умереть.

А родись я и живи на необитаемом острове, я бы даже и о самом существовании смерти не подозревал. «Вот было бы счастье!» – хочется прибавить мне. Но кто знает? Может быть, великое несчастье. Да и правда ли, что не подозревал бы? Не рождаемся ли мы с чувством смерти?»

Куприн также был в эмиграции – почти одновременно с Буниным – осенью 1919 г. он «перешёл советскую границу и стал эмигрантом», но через 18 лет, в 1937 г. вернулся в Россию.

«Эмигрантская жизнь – писал Куприн из Парижа – вконец изжевала меня и приплюснула дух мой к земле. Нет, не жить мне в Европах!.. Чем дальше я отхожу во времени от родины, тем болезненнее о ней скучаю... Знаете ли, чего мне не хватает? Это двух-трёх минут разговора с половым из Любимовского уезда, с зарайским извозчиком, с тульским банщиком, с владимирским плотником, с мешерским каменщиком. Я изнемогаю без русского языка...».

Бунин вспоминал: «Я как-то встретил его (в Париже) на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он... плёлся такой худенький, слабенький, что казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слёзы навернулись на глаза».

И безысходная бедность.

Куприн писал из Парижа: «Сейчас мои дела рогожные... какой это тяжкий труд, какое унижение, какая горечь, писать ради насущного хлеба, ради пары танов, пачки папирос...

Всё, всё дорожает. Зато писательский труд дешевлеет не по дням, а по часам. Издатели беспощадно снижают наши гонорары, публика же не покупает книг и совсем перестаёт читать».

Когда в 1958 году, по прошествии 20 лет после смерти автора, Гослитиздат выпустил шеститомное собрание сочинений Куприна тиражом три миллиона, читатели расхватили его в несколько дней.

Горький не однажды негативно высказывался о «Суламифи» Куприна, однако, Воровский относился к ней иначе, в статье о Куприне он писал, что повесть – «гимн женской красоте и молодости».

* * *

1

«Царь Соломон не достиг ещё среднего возраста – сорока пяти лет, – а слава о его мудрости и красоте, о великолепии его жизни и пышности его двора распространилась далеко за пределами Палестины».

2

«Семьсот жён было у царя и триста наложниц, не считая рабынь и танцовщиц. Также разделял он ложе с царицей Савской, превзошедшей всех женщин в мире красотой, мудростью, богатством и разнообразием искусства в страсти; и с Ависагой-сунамиянкой, согревавшей старость царя Давида...

На указательном пальце левой руки носил Соломон гемму из кроваво-красного астерикса, извергавшего из себя шесть лучей жемчужного цвета. Много сотен лет было этому

кольцу, и на оборотной стороне его камня вырезана была надпись на языке древнего, исчезнувшего народа: «Всё проходит».

3

«Три тысячи притчей сочинил Соломон и тысячу и пять песней. «Слово – искра в движении сердца», – так говорил царь. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян.

И увидел он в своих исканиях, что участь сынов человеческих и участь животных одна: как те умирают, те умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом. И понял царь, что во mnogой мудрости много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь. Узнал он также, что и при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль. И однажды утром впервые продиктовал он:...

– Всё суета сует и томление духа, – так говорит Екклесиаст.

Но тогда не знал ещё царь, что скоро пошлёт ему бог такую нежную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти».

* * *

(Когда Сталин прочёл новеллу Горького «Девушка и смерть», он сделал надпись: «Это посильнее «Фауста» Гёте. Здесь любовь побеждает смерть».

Но не так в «Суламифи»).

4

«Утренний ветер дует с востока и разносит аромат цветущего винограда – тонкий аромат резеды и варёного вина.

Милый женский голос, ясный и чистый, как это росистое утро, поёт где-то невдалеке за деревьями.

Девушка в лёгком голубом платье ходит между рядами лоз... и поёт. Рыжие волосы её горят на солнце.

Сильный ветер срывается в эту секунду и треплет на ней лёгкое платье и вдруг плотно облепляет его вокруг её тела и между ног. И царь на мгновение видит всю её под одеждой, как нагую, высокую и стройную в сильном расцвете тринадцати лет; видит её маленькие, круглые, крепкие груди, от которых материя лучами расходится врозь, и круглый, как чаша, девичий живот, и глубокую линию, которая разделяет её ноги снизу доверху и там расходится надвое, к выпуклым бёдрам.

– Скажи мне твоё имя?

– Суламифь... Иногда я рою корни мандрагоры, похожие на маленьких человечков... Скажи, правда ли, что ягоды мандрагоры помогают в любви?

– Нет, Суламифь, в любви помогает только любовь».

5

«Светел и радостен был Соломон в этот день, когда сидел он на троне в зале дома Ливанского и творил суд над людьми, приходившими к нему».

6

«...встала Суламифь с своего бедного ложа из козьей шерсти и прислушалась. Всё было тихо в доме.

Дрожа от робости, ожидания и счастья, растянула Суламифь свои одежды, опустила их вниз к своим ногам и, переидагнув через них, осталась среди комнаты нагая, лицом к окну, освещённая луною через переплёт решётки. Она налила густую благовонную мирру себе на плечи, на грудь, на живот...

– Это для тебя, мой милый, это для тебя, возлюбленный мой.

*Песок захрустел на дворе под лёгкими шагами. И души не стало в девушке.
– Своего виноградника я не уберегла.*

*Время прекращает своё течение и смыкается над ними солнечным кругом. Ложё у них
– зелень, кровля – кедры, стены – кипарисы. И знамя над их шатром – любовь».*

8

*«Семь дней прошло с того утра, когда вступила Суламифь в царский дворец. Семь дней
она и царь наслаждались любовью и не могли насытиться ею.*

*Так посетила царя Соломона – величайшего из царей и мудрейшего из мудрецов – его
первая и последняя любовь.*

*Много веков прошло с той поры. Были царства и цари, и от них не осталось следа, как от
ветра, пробежавшего над пустыней. Были длинные беспощадные войны, после которых имена
полководцев сияли в веках, точно кровавые звёзды, но время стёрло даже самую память о них.*

*Любовь же бедной девушки из виноградника и великого царя никогда не пройдёт и не
забудется, потому что крепка, как смерть, любовь, потому что каждая женщина, которая
любит, – царица, потому что любовь – прекрасна!»*

9

*«– Три вещи есть в мире, непонятные для меня, и четвёртую я не постигаю: путь орла
в небе, змеи на скале, корабля среди моря и путь мужчины к сердцу женщины».*

10

*«Сегодня был седьмой день египетского месяца фаменота, посвящённый мистериям Ози-
риса и Изиды. ... с таинственными символами богов и со священными изображениями Фал-
луса. Царица Астис возлежала в маленьком потайном покое.*

*Тёмные брови царицы сдвинулись, и её зелёные длинные глаза вдруг потемнели от страш-
ной мысли.*

*– Выйдите все. Хушай, ты пойдёшь и позовёшь ко мне Элиав, начальника царской
стражи. Пусть он придёт один».*

11

*«Все части тела Озириса нашла Изида, кроме одной, священного Фаллуса, оплодотво-
ряющего материнское чрево, созидającego новую вечную жизнь.*

– Это ты, Элиав? – спросила царица юношу, который тихо вошёл в дверь.

Глаза её горели напряжённым красным огнём. И она сказала медленно, слово за словом:

*– Все мои ночи будут принадлежать тебе. Ты знаешь пропуск. Ты пойдёшь сегодня во
дворец и убьёшь их обоих!».*

12

«И была седьмая ночь великой любви Соломона.

*Странно тихи и глубоко нежны были в эту ночь ласки царя и Суламифи. Точно какая-то
задумчивая печаль, осторожная стыдливость, отдалённое предчувствие окутывали лёгкой
тенью их слова, поцелуи и объятия.*

*Глядя в окно на небо, Суламифь остановила свои глаза на яркой голубоватой звезде,
которая трепетала кротко и нежно.*

– Как называется эта звезда, мой возлюбленный? – спросила она.

*– Это звезда Сондит, – ответил царь. – Это священная звезда. Ассирийские маги гово-
рят нам, что души всех людей живут на ней после смерти тела.*

*– Может быть, мы увидимся там с тобою, царь, после того как умрём? – спросила
Суламифь.*

– Ответь мне что-нибудь, возлюбленный, – робко попросила Суламифь.

Тогда царь сказал:

*– Жизнь человеческая коротка, но время бесконечно, и вещество бессмертно. Человек
умирает и утучняет гниением своего тела землю, земля вскармливает колос, колос приносит*

зерно, человек поглощает хлеб и питает им своё тело. Проходят тьмы и тьмы-тем веков, всё в мире повторяется, – повторяются люди, звери, камни, растения. Во многообразном круговороте времени и вещества повторяемся и мы с тобою, моя возлюбленная. Это также верно, как и то, что если мы с тобою наполним большой мешок доверху морским гравием и бросим в него всего лишь один драгоценный сапфир, то, вытаскивая много раз из мешка, ты всё-таки рано или поздно извлечёшь и драгоценность. Мы с тобою встретимся, Суламифь, и мы не узнаем друг друга, но с тоской и с восторгом будут стремиться наши сердца навстречу, потому что мы уже встречались с тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламифь, но мы не помним этого.

– Скажи мне, мой царь, скажи, Соломон: вот, если завтра я умру, будешь ли ты вспоминать свою смуглую девушку из виноградника, свою Суламифь?

И, прижимая её к своей груди, царь прошептал, взволнованный:

– Не говори так никогда... Смерть не коснётся тебя...

* * *

(Неправду сказал Соломон – «своей косою равняет всех она»).

– Подожди, мой милый... сюда идут... Да... Я слышу шаги...

Она замолчала. И было так тихо, что они различали биение своих сердец.

– Кто там? – воскликнул Соломон.

Но Суламифь уже спрыгнула с ложа, одним движением метнулась навстречу тёмной фигуре с блестящим мечом в руке. И тотчас же, поражённая насквозь коротким, быстрым ударом, она со слабым, точно удивлённым криком упала на пол.

* * *

(Слабая тринадцатилетняя девочка защитила и спасла жизнь от убийства здорового сорокапятилетнего мужика).

Старший врач сказал:

– Царь, теперь не поможет ни наука, ни бог. Когда извлечём меч, оставленный в её груди, она тотчас же умрёт.

– До тех пор, пока люди будут любить друг друга, пока красота души и тела будет самой лучшей и самой сладкой мечтой в мире, до тех пор будет произноситься, клянусь тебе, Суламифь, имя твоё во многие века будет произноситься с умилением и благодарностью.

К утру Суламифи не стало.

Царь же пошёл в залу судилища, сел на свой трон ... и, склонив голову на ладонь, приказал (писцам, в тревоге затаившим дыхание):

– Пишите!

«Положи меня, как печать, на сердце твоём, как перстень на руке твоей, потому что крепка, как смерть любовь, и жестока, как ад, ревность: стрелы её – стрелы огненные».

И весь день, до первых вечерних теней, оставался царь один на один со своими мыслями, и никто не осмелился войти в громадную, пустую залу судилища».

* * *

И будто услышал Соломон чей-то голос... Однако, это внутри него кто-то сказал циничные слова, как будто высеченные на тыльной стороне камня старинного перстня на указательном пальце левой руки Соломона: «И это пройдёт»...

Но по мудрости своей подумал вслух Соломон, будто высек слова на камне перстня своего, носимого на указательном пальце левой руки: «Ничто не проходит»...

Если бы Куприн написал только «Суламифь» и «Гранатовый браслет», он уже оставил бы своё имя в изящной словесности – в беллетристике.

После Куприна можно уже не читать Ветхий Завет – он весь в его «Суламифи» (разве только – Экклезиаста, также приписываемого Соломону).

Если говорить о возрасте Суламифи – это 13 лет – шестиклассница средней школы в СССР, где, как известно, в некотором смысле «секса нет»...

При этом, в ветхозаветной «Песни песней» Соломона и в 12-и главах – как апостолов у Христа – эротической сказки Куприна больше чувства и аромата чувственной любви, чем в неразделённости взаимоотношений книг Бунина.

«Суламифь» – это плотский вариант «Гранатового браслета».

* * *

Бояться следует близких – они предадут и могут убить (как охрана – Юдифь, Анвара Садата, Индиру Ганди, посла Карпова...).

И избави вас бог от ранних и неравных браков...

НОВЕЛЛЫ

Мистика случайностей жизни и интернета

Серёжа Грибов – молодой человек почти «в полном расцвете сил» уже несколько лет трудился в рекламной фирме, которая печатала разнообразную полиграфию: проспекты, плакаты, баннеры и растяжки, даже книги (по заказам авторов, кстати сказать: Серёжа и сам публиковался, но в издательстве). Грибову нравилась работа, он был доволен своим положением – до этого он некоторое время мыкался в какой-то полуподвальной с тараканами конторе.

Несмотря на свою популярность, как в коллективе фирмы, так и среди заказчиков, Грибов был «не от мира сего» стеснителен и самокритичен, находя в себе массу недостатков, с которыми боролся с переменным успехом. Например, из-за своей мнительности познакомиться с девушкой было для него научной фантастикой, не говоря уже о том, чтобы у него была подруга.

Может быть кто-то нечаянно надоумил его или он сам, но в декабре скромник обратился к ноутбуку и полез в интернет.

Случайность или судьба свели его в переписке с некой особой по имени Анастасия.

Знаменитый поэт заметил, что «у любви зимой короткий век», но к удивлению Грибова, количество писем росло, стало переходить в качество и даже как бы – в т. н. «отношения» – хотя и виртуальные. Они уже обменялись фотографиями, телефонами (что в общем-то традиционно) и адресами (это уже несколько выходило за рамки «приличия», но, надо полагать, таково было взаимное обаяние этих ребят), однако, «очная ставка» пока не состоялась (может быть, из-за всё тех же комплексов Грибова).

Тем не менее, – по своей наивности – он успел поделиться с Настей мечтами о «светлом будущем», о летнем дне, когда они вместе выйдут на крыльцо домика в деревне и бегом по заливному лугу наперегонки помчатся к озеру купаться; или как они спрячутся от дождя в старинной полуразвалившейся церкви и будут целоваться («до чего дошёл прогресс»).

В один прекрасный день Серёжа пришёл на работу и, просмотрев электронную почту, обнаружил очередное письмо от Насти. В нём было указано, что, в пику скромной нерешительности ненаглядного (буквально) респондента или учитывая это, Анастасия собирается сама нагрянуть к нему «с визитом доброй воли», но время и место будут для него сюрпризом (заботливая и внимательная Настя позаботилась, чтобы избавить «ненаглядного» от хлопот).

Грибов был обрадован и потрясён до потери сознательности. Поэтому он обратился в правый угол кабинета и перекрестился на малюсенькую иконку (не больше спичечного коробка), неизвестно как туда попавшую. Следствием ли первого события или второго действия стало решение им за пять минут задачи, над которой «споённый» коллектив фирмы бился пять дней без убедительного результата. «Вот что делает крест животворящий» – сказал бы Иван Васильевич, который сменил профессию. Но в данном случае может быть логичнее будет: – Вот, что творит чувство «образа любви»...

Серёжа по телефону попросил у начальства разрешения зайти с вариантом решения нерешаемой задачи, на что немедленно получил согласие с ремаркой «срочно». Когда «начальство» ознакомилось с предлагаемым решением, то также было потрясено изяществом и лапидарностью предложения, осуществление которого сулило большую прибыль. Начальство с обожанием взглянуло на просветлённого автора, потом – на серость за окном, потом – опять на скромника, переминавшегося с ноги на ногу у стола, и с воодушевлением изрекло:

– Ну, Сергей Александрович, Вы даёте!.. У меня – дилемма, из которой два выхода: или немедленно уволить Вас за Вашу гениальность или выписать Вам роялти. Но т. к. гении тоже могут пригодиться, я просто таки обязан исполнить второе, немедленно. Вы не представляете, что даст фирме Ваше решение... – «Сергей Александрович» смущённо кивнул и спросил разрешения удалиться для свершения других трудовых подвигов на благо фирмы и «споённого»

коллектива. На что получил разрешение отбыть домой раньше окончания рабочего дня для заслуженного отдохновения.

Конечно, «герой нашего времени» был рад (в т. ч. – дополнительной возможности угостить хорошенько Настю на получаемое роялти), не обращая внимания на несоответствие нахмуренной и плачущей дождиком погоды за окном, так не соответствующей его настроению, и как бы предупреждавшей своей переменчивостью о происках судьбы.

Перед уходом ответственный Грибов заглянул на всякий случай в ноутбук. И правда – в ноутбуке нарисовалось ещё письмо, но не от Насти.

Прочитав, Серёжа помрачнел, как пейзаж за окном. Прочитал второй раз. И впал в трансцендентальное состояние. От кого письмо? А смысл был таков, что Настя – не что иное, как фикция! Т. е. девушка не существовала.

Неожиданно вспомнилось, что в Японии давно изобрели виртуальных девиц, которые вели переписку с мужским населением. Эдакая техно-любовная революция для скрашивания одиночества (которое свойственно не только Японии).

Значит, это была всего лишь игра?! Профанация чувств?!

Грибов посерел, как небо за окном его кабинета.

Ему виделась ухмылка интернета, так лицемерно и цинично обманувшего его.

Сергей накинул плащ и поплёлся под дождь, домой.

Ему захотелось спрятаться от людей, никого не видеть.

Развязался шнурок на туфле, как у Гагарина на ковровой дорожке аэропорта.

Ступни, шлёпающие по лужам, промокли, давило в затылке.

В квартиру Серёжа не вошёл – ввалился. В сердце колото. Его сердцу, как и самому Грибову, было невыразимо плохо. Чехов – драматург и юморист сказал бы: – Настроение такое: пойти чаю напиться или застрелиться...

В прихожей раздался звонок. – Кого ещё чёрт принёс?! – Грибов поплёлся открывать.

И здесь, у открытой двери его страдальческое выражение морды лица сменила радостная и одновременно несколько глуповатая улыбка.

На пороге, весело улыбаясь, как в интернетовской копии, стояла она, Настя, живая и настоящая...

А вы говорите – купаться...

Атос, Арамис, Д,Артаньян и примкнувший к ним футболист

Глава 1.

Наташ. Наташ, ты спишь? Мы там всё обрушили. Вставай и иди.

(Ургант. Реклама банка)

Аппроксимация любви...

Женщина и мужчина – образ двух параллельных пересекающихся линий.

(Утерянная часть преамбулы неевклидовой геометрии Лобачевского. «Рассуждизмы и пароксизмы», 70).

Жили-были четыре товарища: трое умных, а четвёртый ... футболист. Однако, почему «были»? Они и теперь – слава богу.

Апериодически собирались на чашечку коньяку по знаменательным для них датам: 22 декабря, 22 июня (по возможности или около этих дат): Арамис, Атос, Д,Артаньян и примкнувший к ним бывший «лучший футболист пионерского лагеря».

В этот декабрь встретиться не получилось – созвонились, поздравляя. Собрались летом следующего года. Как говорил Д,Артаньян: – Очередная пьянка под кодовым названием: «день варенья».

К сожалению, – без Атоса: его прооперировали по поводу кардиостимулятора, да не совсем удачно, пришлось оперироваться повторно, но на этот раз срослось. В результате теперь Атос традиционно шествовал на рынок, как чревоугодник, но уже «без фанатизма».

По указанной огорчительной причине собрались «на троих» в ресторане при гостинице, куда бывший футболист прибыл из своего города на несколько дней.

Это был неплохой ресторан, где блюли известный порядок: цыплёнка-табака официантка приносила с соусницей в виде лампы Аладдина и пиалу с водой, кофе с коньяком было горячим в белом кофейнике в сопровождении белой чашки на белом же блюде с ложечкой и брикетом растворимого сахара, и отдельно – маленькая стопочка коньяку.

Знакомая Арамиса администратор проводила ребят за столик в углу в конце зала.

– «Театр уж полон; ложи блещут; Партер и кресла, всё кипит;...» – продекламировал футболист. Администратор мельком взглянула на него уважительно, но предупредила:

– Пожалуйста, ведите себя прилично.

Подошла и приняла заказ официантка.

Расселись таким образом, что Арамис – спиной к стене и лицом в зал, Д,Артаньян – левым профилем, а футболист – правым (наивно полагая, что справа выглядит лучше).

Оркестр уже наигрывал что-то, и, как отметил про себя футболист, уровень аранжировки и исполнения квинтета вполне мог бы соответствовать филармоническому (что впоследствии здесь же подтвердилось).

Ребята начали с того, что в небольшом антракте позвонили Атосу и поздравили его с Новым годом (днём рождения), пожелав всего, что в таких случаях желают и – здоровья, что было обусловлено его послеоперационным периодом – здоровому человеку не принято желать здоровья.

Троица слушала живую музыку и романтический баритон пианиста, потягивала коньяк (сначала с тостами, потом с короткими: «прозит»), говорили понемногу обо всём, что в пересказе не имеет смысла, вспоминали былое и себя «в полном расцвете», к месту – анекдоты и – не «к месту», но, наверное, обычно в мужской компании – о девушках, однако, со стороны тех в их адрес – слава богу – и их самих поползновений на танцы не было.

В тоже время, как «реклама – двигатель торговли», так алкоголь провокатор событий. Бывший «лучший футболист пионерского лагеря», сказав собутыльникам «извините, ребята»,

пошёл через зал к выходу. Арамис и Д.Артаньян с пониманием подумали о технической причине.

Однако, это было их политической ошибкой. Футболист дриблингом, не глядя, миновал все столики и подошёл к пианисту, отдыхающему на стуле за своим инструментом, что-то тихо сказал ему, тот кивнул, футболист достал из своего нагрудного кармана купюру 500 рублей и скромно положил на пюпитр. Пианист обернулся к оркестру, и те начали негромко наигрывать известную мелодию, а футболист подошёл к микрофону:

– Добрый вечер, дамы и господа, товарищи и товарищи. Пожалуйста, не волнуйтесь, – песни о зайцах и разбитого зеркала не будет, зато спою об актуальном.

В зале оживились, некоторые же любопытные, сидящие спиной к эстраде, даже оглянулись, а у оставшихся за столиком Арамиса и Д.Артаньяна округлились глаза – предупреждать надо о таких фортелях.

Надо сказать, что футболист признавал и ценил только двух эстрадных исполнителей: Градского и того, чьим репертуаром воспользовался.

– Спокойной ночи, господа, спокойной ночи. – Начал он проникновенным речитативом с хрипотцой, опираясь правой рукой на стойку с микрофоном (на всякий случай), и что удивительно, попадая в такт с оркестром.

– Ваш день прошел, а ночь колдует и пророчит. Ночные сказки – отголоски дней минувших...

Взгляд его нечаянно упал на сидящую через несколько столиков от эстрады девушку, точнее – на её алое платье с глубоким вырезом на спине и родинку ниже левого плеча...

Наивный футболист был потрясён до потери сознательности:

– Мама дорогая – успел он подумать, пока оркестр солировал без него. – Она что же – без лифчика?

Замочка или крючков этого устройства не было и, кроме того, платье должно было бы упасть с открытых плеч, однако, не падало, вопреки закону всемирного тяготения...

– Ну, надо же – не веря своим глазам и спускаясь с микрофоном в зал по направлению к алому платью, чтобы убедиться, продолжал петь почти в тему:

– Окно раскройте – за окном прекрасный вечер. И если некому вас обнимать за плечи, Спокойной ночи, может, завтра будут встречи...

Соседки-подружки обладательницы смелого выреза направили свои предупреждающие взгляды не на подходящего, а на неё. Та что-то почувствовала открытой спиной и несколько напряглась. Певец прошёл мимо по направлению к своим, чуть коснувшись бретельки платья – нет, не упало...

Арамис вышел из-за столика, оставив Д.Артаньяна контролировать события и пошёл навстречу. Встретились почти на краю зала, недалеко от их столика, оба развернулись к эстраде и продолжили дуэтом, как прежде «в глубокой юности» (они когда-то вместе испытывали терпение слушателей на вечерах и днях голосования).

– И будут ангелы летать над вашим домом, Луна рассыплет жемчуга, и за порогом, Спокойна будет и тиха ночь-недотрога. Да будет мир вам и покой, усните с Богом...

Не только сидящие за столиками, но вся кухня во главе с кустодиевской «русской Венерой» – все в белых халатах, как перед проверяющими, выстроились в дверях служебных помещений – послушать и увидеть красивый финал вечера, а администратор замерла в своём уголке у стены, смежной с вестибюлем.

По окончании песни раздались общие аплодисменты, переходящие в пожелания «продолжения банкета».

Дуэт церемонно раскланялся, указывая на оркестр, вернул микрофон, пожал руки оркестрантам и вернулся «на круги своя».

Время действительно клонилось к закрытию ресторана, и пианист объявил «белый танец».

Дуэт и Д.Артаньян, довольные совместным вечером, допивали и доедали, когда к их столу неожиданно подошла та, у которой был умопомрачительный вырез на платье. Ребята растерялись – особенно футболист – т. к. подошедшая, смущаясь и краснея, обратилась именно к нему:

– Позвольте пригласить Вас?..

Хорошо, что он уже успел проглотить очередной «прозит» – иначе бы поперхнулся от неожиданности. Встал, предложил даме руку. По дороге, не доходя до танцующих пар, футболист начал свой «проход по левому краю», с которого иногда забивал мяч в ворота соперника.

– Мадмуазель, признаюсь честно, но откровенно ... Моя се ля ви до сих пор не удосужилась обучить меня легальной возможности «под музыку Вивальди» обнять особу противоположного пола... Мне искренне жаль. И Ваших красивых «лодочек» на стройных ногах, и прелестные щиколотки, чтобы не травмировать... По этой сермяжной правде позвольте и Вы мне: проводить Вас к Вашим подружкам?..

Они стояли у дверей из зала, и он мягко придерживал её запястье левой руки.

Девушка с сожалением спросила:

– Вы что же, совсем меня не помните?

– Вот Вам анекдот в ответ, только Вы не обижайтесь (если бы футболист был вполне трезвым, он не стал бы это рассказывать)...

– Официант принёс «новому русскому» очередное блюдо. Тот спрашивает:

– Где мы с тобой встречались?..

Официант пожимает плечами и собирается уходить.

– Постой. На Мальдивах был?..

Официант смотрит с ужасом...

– А в Турции ... или Сочах?..

Официант почти уходит.

– А-а-а! – Радостно орёт «новый русский». – Стой! Вспомнил, – ты же мне второе приносил.

Девушка, спросила с укором, не отнимая, однако, свою руку:

– Вы – циник?..

– А Вы знаете – кто это? Это свинья, которая хочет, чтобы все об этом знали... Позвольте представиться ... Но, к сожалению, уже с отчеством.

– Не кокетничайте – не настолько Вы старше меня, чтобы так обращаться к Вам. Так Вы меня не помните?..

– Как Вам сказать?.. Но Вас ждут подружки ...

– Э-хе-хе-хе. Петя – Митин брат, вспомните вечер в техникуме по какому-то поводу (я тогда уже была на дипломе), сцена, Вы с трибуны своеобразно начали: – Девочки и мальчики...

Многие в зале засмеялись, а Вы спросили: – Кто знает, какому роману Пастернака было первоначально дано это название? Зал затих. Только я подняла руку, которую Вы сейчас не отпускаете, и сказала: – «Доктор Живаго». Чем заслужила Вашу милую улыбку. Потом Вы сообщили, что вас – четыре товарища (не по Ремарку): трое умных, а четвёртый – футболист, это Вы. Ещё признались, что, когда учились здесь, целовались с девчонками. В конце своего выступления предложили желающим звонить – если что, но телефон так и не назвали, а из зала некоторые просили.

– Да, да – был случАй, меня пригласила выступить перед вами ... Вы её знаете, конечно. Однако, интересно, про Петю, который – это же из моего лексикона ... А телефон и Вы тоже?..

Она не ответила, но добавила, что знает и тех, других – его умную «троицу».

– Пойдёмте, всё-таки верну Вас Вашим подружкам – они уже волнуются о Вас.

В это же время на эстраде пианист подошёл к микрофону:

– Дорогие гости, оркестр заканчивает свою работу и прощается с вами.

Хочу признаться в приятном и грустном: нас пригласили на постоянную работу в филармонию. Здесь теперь будут играть для вас другие музыканты. Но мы хотим надеяться, что не прощаемся навсегда, и будем встречаться всё же иногда и здесь. Спасибо вам. Спасибо администратору ресторана за её благосклонность – нашей дорогой Елене Львовне – вон она спряталась в уголке – пожалуйста, поприветствуем её. Спасибо тем, кто обещал, что «завтра будут встречи» – поприветствуем и их. Всего вам доброго.

Оркестр по знаку пианиста исполнил несколько музыкальных фраз марша «Прощание славянки».

Зал аплодировал стоя.

Вечер закончился, все потянулись к выходу. Футболист вышел на ступени подъезда проводить товарищей, такси уже ожидало недалеко от парадного входа. Обнялись. Ребята уехали. Он задержался на ступенях перед входом в гостиницу ...

И вдруг услышал мелодичный голос, назвавший его имя. Это была она – милая незнакомка.

– Ну, если уж Вы знаете и помните моё имя, логично будет узнать Ваше...

– Ирина.

– Замечательное имя. По-немецки: Ирэн – сумасшедшая. Впрочем, прошу прощенья.

Девушка улыбнулась.

Из дверей ресторана к подъехавшему такси вышли подруги.

– Ира!.. – Позвала одна из них.

– Сейчас.

– Поторопись, а то он тебя «запоёт». – Подруги рассмеялись.

– Действительно, уже поздно – сказал он, – но, может быть и правда: «завтра будут встречи», при свете дня не покажусь Вам таким уж циником – это ночью все коты серые ...

– Хорошо. Завтра суббота. Где и в котором часу?

– Как Вам удобно.

– Позвоню Вам в гостиницу. Вы в каком номере?

Он назвал номер и свою фамилию.

– Помню и Вас, и Вашу фамилию тоже ... Спокойной ночи.

– И Вам – «усните с богом».

Глава 2.

Ох, то-то все вы, девки молодые,

Посмотришь, мало толку в вас.

Упрямы вы...

Уж если друг завидный

Вам в случай подвернулся,

Умейте вы разумным поведением

Его тотчас и в руки взять!

Вот, хоть бы ты? Учил тебя я,

Как надобно порой о свадьбе

Обиняком речь заводить,

Сама подумай, ведь не вечно

Вам красотой дано пленять,

И ведь не вечно вас станут баловать.

(А.С.Пушкин, А.С.Даргомыжский. «Русалка»)

Легко, по летнему одетые девушки (впрочем, у некоторых через наплечные ремешки сумочек были предусмотрительно перекинuty кофточки) подошли было к стеклянным дверям

ресторана. Но увидев за ними швейцара, ошетилившегося «будёновскими» усами, отвернули вправо к дверям гостиницы, чтобы не дразнить гусей и пройти в зал к заказанному столику через холл гостиницы. Всё же миновать бдительного стража дверей питейного заведения не удалось. Но когда ему сказали о заказанном и напомнили о Елене Львовне – администраторе ресторана, швейцар встал по стойке «смирно» и жестом регулировщика пригласил девушек в зал.

Девушки прагматично разделились: трое проследовали в туалетную комнату – почистить пёрышки, а двое решительно вторглись в ресторан. Нашли взглядом администратора, подняли правые руки в приветствии «рот фронт» и получили взглядом же указание на их столик у колонны с табличкой «заказан». Через некоторое время пришла задержавшаяся троица, зато двое первых отправились по их следам с той же целью, пришедшие пообщались с подошедшей официанткой. Впрочем, меню девичника уже было обговорено при заказе столика, поэтому к возвращению ушедших стол уже начал заставляться «джентльменским» набором еды и питья, уточнили только полусухое красное.

Не успела уйти официантка, как к столику с двух сторон пожаловали кандидаты с приглашением на танец.

– Ребята, дорогие, дайте же нам восстановить пошатнувшееся здоровье и потерянные в борьбе со швейцаром силы...

«Ребята» прониклись и кто с извинением, кто молча – удалились.

– Ну-с, сёстры по разуму, за кем первый тост?.. – спросила одна.

– Давайте вспомним – предложила другая – бывших мужей...

– В каком смысле, и наших – тоже? Ор-р-ригинально...

– А что? Каких милых и замечательных созданий они потеряли в нашем лице. Доставшихся им практически бесплатно. Хотя за прощание им и пришлось-таки немного раскошелиться...

– Это правда – особенно по поводу «милых и замечательных», и даже больше. В общем, за наше всё...

Они пригубили. Далее последовало традиционное девичье щебетанье: как живёте, с кем живёте и т. д. и т. п. и периодическое вкушение.

Но когда в зал вошла троица в сопровождении администратора и разместилась за столиком в пределах досягаемости невооружённой видимости, пятёрка девушек оживилась.

– М-да...

– Да уж...

– А я бы вон тому, небритому отдалась бы, пожалуй, в добрые руки.

– Так их двое – усарых-бородатых. Которому?

– Тому, что посдобнее, лицом к нам сел.

– Тебя всё на десерт тянет...

– Так я и сама сдобненькая.

– А мне больше нравится с подстриженными тёмными седеющими кудрями, напротив окна...

– Ир, а ты что примолкла?

– Я бы хотела, чтоб меня пригласил тот, что у окна, шатен с серыми глазами...

– Надо же, рассмотрела.

– Ну, девочки, всех разобрали, знали бы они это... Давайте выпьем и за них, хотя они не наши мужья. Пока... А там, как карты лягут. И за нас – ненаглядных и нецелованных ещё, сегодня.

– Девчонки, ну, прямо «уж, замуж, невтерпёж»... Вам прежних мало?

– Да никто и не говорит, что «замуж, невтерпёж».

– А хорошо ребята играют... – Переключились они безо всякой последовательности на оркестр.

– Да, но я слышала, что их в полном составе пригласили работать в филармонию. Так что, наслаждайтесь, как в последний раз – может смена будет не под стать.

Теперь выпили за смену «под статью», ещё поболтали.

Пока суд да дело, несколько танцев почтили собою, послушали музыку, помолчали, ещё потанцевали, выпили, поели...

И вот тут, под занавес вечера свершилось...

– Ну ты подумай – это ж твой «сероглазый», во даёт...

– Но поёт-то вполне ничего себе, хотя и подшофе, но почти комильфо.

– Да уж, всё нам, всё нам...

Ира почувствовала спиной приближающийся взгляд, который как будто жёг её открытую родинку...

А потом – ещё лёгкое касание плечика платья, удержанного усилием её воли.

Всё, прошёл мимо. Нет, не «всё» – вдруг повернулся, и к нему поспешил другой «небритый».

Батюшки, да она ведь знает их, и третьего – тоже, который из знаменитой 10-й группы, как и певший теперь с первым дуэтом.

А к первому так она вообще неровно дышала, когда училась в техникуме и о котором вздыхала, видя его подружек... Он тогда был знаменит: снимал кино, по его сценарию команда впервые за долгое время победила соперников в КВН.

Когда был объявлен «белый танец», она вздрогнула...

– Ирка, что с тобой?

Она ответила подружкам и себе:

– «Сейчас отдать я рада

Всю эту ветошь маскарада,

Весь этот блеск, и шум, и чад

За полку книг, за дикий сад,

За те места, где в первый раз,

Онегин, встретила я вас...»

Подружки покрутили головами: вот, мол, до чего чтение книг доводит впечатлительных девушек...

А она со страхом неизбежности и неизвестности пошла приглашать – и будь, что будет...

* * *

Милые барышни, любил бы вас и лето красное, но Пушкин говорит:

Ох, лето красное! любил бы я тебя,

Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

Ты, все душевные способности губя,

Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;

Лишь как бы напоить, да освежить себя -

Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,

И, проводив её блинами и вином,

Поминки ей творим мороженым и льдом.

Однако, и зима – не то, что лист зелёный, под ливнем с громом, весёлою весною...
(И может поменять местами первую главу с главой второю?)

Глава 3.

Не знаю я, увидимся ли мы,
Пути Господни неисповедимы...
(Сола Монова. «Не знаю я...»)

Проснувшись на следующий день «после вчерашнего», он констатировал про себя:

– Да уж, приложились мы вчера...

Тем не менее, был в вертикальном положении, как всегда рано утром, практически в нормальном состоянии, без головной боли (немного только подташнивало) и в предвкушении...

Встав, помахал руками и ногами, принял душ и все утренние процедуры, оделся и пошёл завтракать в ресторан (который утром и днём становился кафе) – с трудом («после вчерашнего»), но, как необходимое, проглотил яичницу, кефир и кофе (без коньяка и сахара). Затем отправился на кладбище, где были похоронены его родители. Звонка утром от Ирины не ожидал (даже с учётом того, что она «сумасшедшая» и блондинка), поэтому, когда звонок сотового всё-таки прозвучал из его кармана, ответил несколько флиртованно:

– Смольный слушает...

С другого края электромагнитного поля хохотнул мужской голос:

– Смольный, и снова – здравствуйте...

Он узнал голос своего начальника и внутренне чертыхнулся, не ожидая от того счастья (начальники не дают его даже на час). Тот продолжил:

– Труба зовёт... За Вами отправили машину. Возвращайтесь, как можно скорее.

– Да что случилось, шорт по-бе-ри, Юрий Иванович?

– Авария... «Мы могли бы сами, да привыкли с Вами».

Трубка продолжила короткими гудками...

Делать нечего – надо укладываться, а голому собраться – только подпоясаться, как сказал классик: «плюрализму альтернативы нет». А как же Ирина?

Он срочно ткнул в телефоне номер Арамиса. Тот хрипло ответил, демонстрируя и своё «после вчерашнего»:

– Алле, капитан мушкетёров вас...

– Не преувеличивай свои заслуги – когда это тебя поставили на место Де Тревиля, минуя звания, полученного Д.Артаньяном?

– А, это ты, майн фройнд...

– А ты ждал, что администратор ресторана? Кстати, скажи мне честно, но откровенно: мы вчера вечером были в Лувре?

– Ты что – монархистом стал?

– Понятно. А в харчевне «Три пескаря»?

– Вот. Был грех. А что, за нами послали уже гвардейцев кардинала?

– «Хуже, Петька, хуже»: меня отзывают на службу, продолжение банкета отменяется – по крайней мере – сегодня со мной. И у меня к тебе нижайшая просьба: поезжай срочно в гостиницу, найти свою администраторшу и попроси объяснить Ирине, когда та позвонит (если) в мой номер, моё вынужденное отсутствие и передаст записку, которую тебе сейчас отправлю на почту...

– А-а-а, так её зовут Ирина? Ваще... Тебя никак нельзя оставлять одного – тем более после принятия внутрь драгоценной влаги – обязательно кто-нибудь женит на себе.

– Нет, как сказал Михаил Самюэлевич: «я старый – меня девушки не любят»...

– Да ладно. Но «мне надо принять ванну, выпить чашечку кофе»...

– «Будет тебе кофе и какао с чаем» – с меня причитается. Записку тебе сейчас сброшу. Распечатай, положи в открытый конверт и поезжай немедленно – успеешь до того, как Ирина позвонит – иначе приговорю к расстрелянию из рогатки. Понимэ? Да смотри, свои псалмы администраторше не пой – она и без того уже готова на «11 минут»... А если хочешь знать моё мнение, то это милое, домашнее создание, несмотря на должность, не исключая её профессию в прошлом: преподаватель начальных классов.

– Есть... А о Елене Прекрасной ты почти угадал – она работает на кафедре математики нашего института. В ресторане подрабатывает – такова наша се ля ви.

В записке было следующее:

«Ирина, солнце моё сумасшедшее, добрый день.

Не судьба. Вы знаете, что это такое? Армянское радио объясняет так:

– Вы идёте по улице и вам на голову падает кирпич. Судьба.

У радио уточняют:

– А если не падает?..

Армянское радио сочувственно вздохнуло:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.